

мена в литературно-историческом контексте и обнаружить в нем универсальное общечеловеческое содержание. Именно оно становится в первую очередь объектом рецепции Гёте в его собственном позднем творчестве.

Рассматривая проблему гётевского художественного универсализма, необходимо учитывать роль как объективных, так и субъективных факторов, определявших его поступательное развитие. Понятно, например, что Гёте не мог пройти мимо художественного опыта европейского романтизма, свидетелем зарождения и расцвета которого он был; так или иначе он должен был в своем творчестве откликнуться на него. Иное дело — рецепция поздним Гёте китайской, персидской, арабской или индийской культур. Этот факт, помимо всего иного, мы склонны связывать с характером развития поздней гётевской эстетики, руководящим принципом которой становится учение о мировой литературе. Подготовленная в иных отношениях художественным универсализмом Гёте, его концепция мировой литературы, в свою очередь, форсирует и направляет его развитие; показательно, что ее основные положения и выводы складываются не ранее того, как поэт самым внимательным образом знакомится с духовными сокровищами Индии и Китая — двух других (наряду с Европой, Ближним и Средним Востоком) очагов мировой культуры.

Теперь о другой стороне этой проблемы. Художественный универсализм Гёте, рассматриваемый автономно, позволяет осознать, как много «берет» поэт из сокровищницы мирового искусства и литературы. Не менее важно установить, что он туда «возвращает». Здесь не место входить в детальное рассмотрение этого вопроса. Отметим только, что Гёте, как, пожалуй, никто из его современников, дает мощный импульс развитию мировой литературы. И если художественный универсализм Гёте указывает на поистине вселенские масштабы эстетических исканий поэта, то его учение о мировой литературе дает возможность понять их характер и цели. Здесь, по нашему мнению, лежит ключ к пониманию своеобразия как позднего творчества, так и поздней эстетики Гёте.

Сказанное можно проиллюстрировать на примере приводимых Гёте в его беседе с Эккерманом «образцов» мировой литературы. Случайно ли здесь названы именно они? Ответить на этот вопрос, исходя исключительно из художественного универсализма Гёте, едва ли возможно; в лучшем случае мы придем к констатации того серьезного интереса, который испытывал поэт к каждому из них. Иное дело, если мы к этому вопросу подойдем с точки зрения его концепции мировой литературы.

Тогда обнаружится, что за каждым из приводимых феноменов стоит вполне определенная и весьма важная сфера художественных исканий Гёте — творца понятия мировой литературы. В случае с китайской литературой — это его пристальный интерес к стране, народ которой внес огромный вклад в развитие мировой культуры и литературы. Интерес к сербской литературе объясняется в первую очередь тем, что в сербском фольклоре поэт видел живой пример формирования народного поэтического творчества — той эпохи исторического развития литературы, через который другие европейские литературы давно прошли, внимание Гёте к Кальдерону — это в немалой степени и внимание к той художественной системе, принципы которой Кальдерон выразил в своем творчестве, т. е. к барокко и его духовному наследию; наконец, интерес поэта к «Песне о Нибелунгах» показателен для той переоценки средневекового (в частности, старонемецкого) искусства как важного этапа духовного развития Европы, которая под воздействием романтизма происходила в поздней гётевской эстетике.

Таким образом, постулируя свое понятие мировой литературы, поэт называет те «образцы» ее исторического развития, которые, по его мнению, носят особенно репрезентативный характер; их противопоставление «произведениям античных греков» не несет в себе, конечно, никакой эстетиче-